

но как с двусторонней, так и с односторонней реституцией.

Проведенный анализ показал необходимость корректирования норм, содержащих общие положения о последствиях недействительных сделок. По нашему мнению п. 2 ст. 167 ГК РФ следует дополнить абзацем следующего содержания: «К последствиям недействительности сделки могут применяться дополняющие последствия, предусмотренные законом».

Предложенная классификация имеет большое практическое значение, поскольку делит согласно существующему законодательству все имущественные последствия недействительных сделок на общие, специальные и дополняющие в соответствии с особенностя-

ми их применения. Это позволяет заинтересованным лицам быстро определить место, указанного в правовой норме последствия, и четко сформулировать каким образом оно применяется к конкретной недействительной сделке: индивидуально либо совместно с другими последствиями. Такой подход позволит оптимизировать работу судов при вынесении судебных решений о последствиях недействительных сделок, а также оперативно контролировать их законность.

Примечание

¹ Хейфец Ф.С. Недействительность сделок по российскому гражданскому праву М., 1999. С. 81–82; Ломакин Д. Крупные сделки в гражданском обороте // Законодательство. 2001. № 3. С. 24.

А.Ю. БУСЫГИН

аспирант

ПРЕДЕЛЫ ДЕЙСТВИЯ ПРИНЦИПА СОСТАЗАТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В ныне действующем УПК РФ превалирующее место занял принцип «чистой» состязательности.

Изключен действовавший ранее принцип всесторонности, полноты и субъективности исследования обстоятельств дела (ст. 20 УПК РСФСР). Следователь (дознаватель) осуществляет лишь уголовное преследование. Суд не вправе по собственной инициативе совершать какие-либо исследовательские действия — даже в рамках предъявленного обвинения (исключение сделано лишь для судебной экспертизы — ст. 283 УПК РФ). И вообще суд не обязан предпринимать каких-либо мер к установлению истины по делу, он лишь «создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав» (ч. 3 ст. 15 УПК).

Вместе с тем, всякий принцип должен максимально содействовать достижению конечных целей уголовного процесса, именно для этого он и существует. Таких целей три (можно, конечно, насчитать и больше, но это будет дробление указанных трех).

Первая цель — установление истины по делу и принятие на этой основе правильно го и справедливого решения. Это первая и основная цель уголовного процесса. Если

истина не достигнута, то ни о какой справедливости или иной пользе не может быть и речи. Виновное лицо уйдет от ответственности, причиненный преступлением вред не будет возмещен либо, что еще хуже, будет привлечен к ответственности невиновный. Как бы мы такой результат ни называли — формальной истиной, юридической или какой-то иной, это ничего не изменит. Знание останется неполным (в лучшем случае) или ошибочным (в худшем). Поэтому все это игра в слова, иллюзия, самообман.

Вторая цель — соблюдение прав личности при осуществлении судопроизводства. Восстановление нарушенного права, назначение справедливого наказания — все это охватывается первой целью, выполняется автоматически при ее достижении. Тем не менее вторая цель — самостоятельная задача уголовного процесса. Истина должна быть достигнута не любой ценой, а лишь соразмерными средствами, не ущемляющими без необходимости права личности (хотя полностью избежать принуждения невозможно, в том числе и к лицам, заведомо не причастным к преступлению, например к свидетелям).

Третья цель — воспитательно-предупредительное значение уголовного процесса (общая и частная превенция).

Вышеуказанные цели не являются абсолютными и неизменными, они менялись в различные исторические эпохи и могут различаться в разных странах. В средневековом процессе, например (особенно в инквизиционном), фактически отсутствовала вторая цель и превалировала третья (а именно крайняя ее форма — устрашение). С изменением целей менялись и принципы уголовного процесса, порой на прямо противоположные (так было, например, с презумпцией невиновности).

Насколько же способствует закрепленная в УПК РФ форма состязательности достижению указанных целей уголовного процесса?

Содействует ли она установлению истины? Думается, что нет. Суд не вправе ступить ни шагу для пополнения совокупности доказательств без соизволения на то сторон (за исключением, как было сказано, назначения экспертизы). Таким образом, он не может выполнить даже явные и легко устранимые пробелы.

Помогает ли такая состязательность защите прав и интересов сторон? Простой пример. Осужденный вследствие юридической неосведомленности не смог квалифицированно составить кассационную жалобу, не указав в ней ряд обстоятельств, свидетельствующих в его пользу. Суд кассационной инстанции не может выйти за пределы этой жалобы и принять решение в пользу осужденного даже при наличии для этого явных оснований.

И еще одно обстоятельство. Принципы уголовного процесса не должны противоречить не только его целям, но и другим принципам. В случаях же, когда такое противоречие имеется, закон устанавливает соответствующие ограничения в действии этого принципа. Так, существуют многочисленные изъятия из принципа гласности, вызванные действием других, более важных принципов (неприкосновенность личной жизни, личная безопасность и т.п.). Принцип состязательности в существующей ныне форме тоже если и прямо не противоречит, то, во всяком случае, слабо согласуется с некоторыми принципами, прежде всего с принципом оценки доказательств и принятия решений по внутреннему убеждению судьи и даже с принципом осуществления правосудия только судом. Действительно, что это за орган правосудия, по рукам и ногам связанный волеизъявлением сторон, нередко вынужденный принимать решения на основе заведомо недоброкачественного материала?

Где его самостоятельность и независимость? Может ли функция правосудия быть сведена к определению сильнейшего в состязании и присуждению приза победителю, как это имеет место в спортивном судействе?

Изложенное вынуждает поставить сакральный вопрос: а нужна ли такая состязательность в уголовном процессе? Что от нее больше — пользы или вреда? И как и почему она появилась?

Основная причина — психологическая, осознанное или подсознательное стремление разрушить все старое и заменить чем-то другим, прямо противоположным. И отсюда явный перекос даже по сравнению с другими странами, в том числе США, на которые явно или неявно ориентировались разработчики УПК РФ. В качестве курьеза можно привести такой факт. Даже в гражданском и арбитражном процессах, где в отличие от уголовного превалирует не публичное, а частное начало, суд может по собственной инициативе выйти за рамки представленной сторонами совокупности доказательств и обязать их представить дополнительные, а в случае необходимости оказать им в этом помочь (ст. 57 ГПК РФ, ст. 66 АПК РФ). И только в уголовном процессе, где, казалось бы, на первом месте должен быть публичный интерес, суд не может и пальцем пошевелить, чтобы пополнить имеющуюся совокупность доказательств.

Какую же функцию выполняет принцип состязательности в его нынешней форме? Представляется, что мы имеем дело с интересным феноменом — когда какой-то общественный институт начинает работать сам на себя. Такие ситуации в обществе не редкость. Так, сейчас имеется немало стран, где не армия существует для общества, а общество для армии. А уж примеров, касающихся формальных правил множество. И в советский период, и после существовало немало правил, смысл которых давно забыт или был неясен с самого начала и которые действовали только в силу своего существования. Но форма не может быть самоцелью. Она нужна только для того, чтобы обслуживать содержание (здесь Маркс был совершенно прав). Принцип состязательности тоже не может иметь самодовлеющего значения. Это не тот принцип, на который нужно молиться. Он не относится к числу незыблемых принципов — таких, как презумпция невиновности, осуществление правосудия только судом.

Он определяет, прежде всего, технологию уголовного процесса и должен применяться только в тех пределах, в которых не противоречит конечным целям уголовного процесса и другим, более универсальным принципам. И сфера его применимости определяется только целесообразностью.

Поэтому состязательность в уголовном процессе должна не исключать, а пред-

полагать активность суда в собирании доказательств и его обязанность принимать все меры в установлении истины по делу (подчеркну еще раз — в рамках предъявленного обвинения). Только при таких условиях принцип будет находиться в гармонии с другими рассматриваемыми принципами и с конечными целями российского уголовного процесса.

Н.Д. АБДУЛЛАЕВА
соискатель

НЕКОТОРЫЕ ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ОПЕРАТИВНОГО ВНЕДРЕНИЯ

Из практики ОВД известно, что в настоящее время без проведения комплекса ОРМ проблематично обеспечить доказывание по ряду преступлений. Следует заметить, что действующее законодательство создало определенные предпосылки для эффективного использования результатов, полученных в ходе специальных мероприятий, включая оперативное внедрение, при доказывании по уголовным делам.

Вместе с тем, по мнению автора одним из существенных недостатков нынешнего оперативно-розыскного законодательства является отсутствие нормативных дефиниций оперативно-розыскных мероприятий. Возможно, такой подход к регулированию ОРД был избран по аналогии с прошлой уголовно-процессуальной регламентацией следственных действий, которые прежде не имели четкого правового определения. Однако такое положение нельзя считать приемлемым. Дело в том, что в уголовном процессе, во-первых, существуют давние традиции в понимании сущности следственных действий и процессуальных решений, а во-вторых, отсутствие нормативных дефиниций вполне компенсируется четкой регламентацией процедурных вопросов проведения следственных действий.

Что же касается оперативно-розыскного законодательства, то оно не может «похвастаться» ни традициями легального употребления своей терминологии, которая развивалась в недрах секретной научной специальности и учебной дисциплины, ни наличием отработанной правовой процедуры проведения оперативно-розыскных мероприятий. В данном случае по замыслу законодателя (см. ч. 2

ст. 5 Закона об ОРД) пробел в правовом регулировании может быть компенсирован посредством ведомственной регламентации. В полной мере это относится и к оперативному внедрению.

После анализа ведомственных нормативных актов выясняется, что при формулировании их отдельных положений не всегда учитывалась перспектива возможного использования результатов оперативно-розыскных мероприятий в гласной уголовно-процессуальной деятельности. Так, в соответствии с Настоящим об основах организации и тактики оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел под оперативным внедрением следует понимать не разовую операцию, а целый комплекс оперативно-розыскных мероприятий, основанных на легендированном длительном или кратковременном вводе сотрудников оперативных подразделений и лиц, оказывающих им содействие, в криминогенную среду и на объекты в целях разведывательного сбора информации, необходимой для решения задач ОРД по борьбе с преступностью. В этом же нормативном акте определен порядок проведения оперативного внедрения и дан перечень составляемых документов.

Как показывает практика, такое правовое регулирование имеет ряд недостатков. Во-первых, представляется нецелесообразным ставить целью оперативного внедрения лишь сбор разведывательной информации. После рассмотрения множества протестов и представлений, внесенных прокурорами по фактам неправомерного его проведения, можно сделать вывод о том, что достаточно часто